

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сунь Вэньцзюнь

**Фантастика и демонология
в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя:
типологические и историко-литературные аспекты**

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель

Коровин Владимир Леонидович,
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты

Алпатов Сергей Викторович,
доктор филологических наук,
ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М.В.Ломоносова», филологический
факультет, заведующий кафедрой
русского устного народного творчества

Гольденберг Аркадий Хаимович,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-
педагогический университет», институт
русского языка и словесности, профессор
кафедры литературы и методики ее
преподавания

Сартаков Егор Владимирович,
кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М.В.Ломоносова», факультет
журналистики, доцент кафедры истории
русской литературы и журналистики

Защита диссертации состоится «30» октября 2025 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3542>.

Автореферат разослан «____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования – фантастика и демонология в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», первом сборнике повестей Н.В. Гоголя, впервые изданном в двух частях в 1831 и 1832 гг., а впоследствии составившем первый том прижизненного собрания его сочинений (1842). Это целостный литературный памятник, включающий восемь повестей, объединенных фигурой вымышленного издателя (пасечника Рудого Панька, от лица которого написаны предисловия к обеим частям) и отличающихся тематическим и стилистическим единством¹. Из восьми повестей сборника, как минимум, шесть включают в себя описание сверхъестественных происшествий с участием демонических существ (исключение – «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», пограничный случай – «Сорочинская ярмарка»). Эти шесть повестей («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота» «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Заколдованное место»), по давнему замечанию В.В. Гиппиуса, «...варьируют одну и ту же тему. Это вторжение в жизнь людей демонического начала и борьба с ним»².

Специфика содержания повестей, составляющих «Вечера на хуторе близ Диканьки», обуславливает потребность в специальном изучении их фантастики и демонологии, которые относятся к числу наиболее характерных жанрово-тематических, сюжетных особенностей и системы персонажей первого сборника повестей Гоголя, являющегося **объектом** нашего исследования. Эти особенности рассматриваются нами как в историко-литературном аспекте, т.е. преимущественно генетическом аспекте – в контексте догоголевской и современной ему русской литературы, так и в аспекте типологическом – в сопоставлении с литературными явлениями, Гоголю заведомо неизвестными, как, в частности, произведения китайской литературы. Из них наиболее показательным в этом отношении представляется собрание фантастических новелл Пу Сунлина (1640–1715) «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (кит. «聊斋志异») (они многократно, начиная с 1920-х гг., переводились на русский язык и переиздавались как в советское время, так и в последние десятилетия; подробнее см. ниже). Черты сходства между книгами Гоголя и Пу Сунлина, лежащие на поверхности

¹ Об истории создания и публикации сборника, вопросах текстологии и проч. см. комментарии в последнем академическом полном собрании сочинений писателя: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / Отв. ред. тома Е.Е. Дмитриева. М., 2003. С. 589–676. См. также новейшую обобщающую работу: *Виноградов И.А.* Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М., 2024. С. 305–371.

² *Гиппиус В.В.* Гоголь. Л., 1924. С. 32 (курсив автора). Ср. замечание Ю.В. Манна: «...одоление черта – одна из основных тем “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» (*Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Темы и вариации. М., 1996. С. 22).

(наличие фигуры фикционального автора, фантастические сюжеты, демонические образы, повышенный интерес писателей к фольклору и народным обычаям и др.), делают возможным проведение параллелей между ними, что представляется нам интересной и многообещающей научной задачей, позволяющей получить некоторые новые данные для понимания специфических особенностей фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Под «фантастикой» мы понимаем отражение сверхъестественных явлений как на уровне сюжета, так и на уровне образно-тематическом, опираясь, в частности, на ее понимание в теоретических работах Ц. Тодорова, Р. Лахманн и др.³ В русской литературе понятие «фантастического» появляется именно гоголевское время – в 1830-х гг., постепенно вытесняя прежний термин «чудесное», обозначавший сходные явления в искусстве⁴. Первая журнальная публикация Гоголя – стихотворение «Италия» в журнале «Северный вестник и Северный архив» (1829) – состоялась в том же номере, в котором был напечатан русский перевод статьи В. Скотта, посвященной проблемам фантастического в литературе и творчеству Э.Т.А. Гофмана⁵.

Под «демонологией» в нашей работе понимается не систематизированное учение о злых духах, а комплекс связанных с ними литературных явлений и само присутствие сверхъестественных существ в литературном произведении, их включенность в систему его персонажей. Используя этот термин в таком значении, мы следуем давно сложившейся в российском литературоведении и, в частности, в гоголеведении традиции⁶.

Цель нашего исследования – изучение фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в типологическом и историко-литературном аспектах. Эта цель потребовала решения ряда следующих **задач**:

1) Изучить теоретические основы типологического подхода в литературоведении, проследить динамику развития понятия «типологическая

³ Фантастика – это «...“таинственное”, “необъяснимое”, “недопустимое”, вторгающееся в “реальную жизнь”, в “реальный мир” или в “неизменную закономерность повседневности”» (Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. М., 1999. С. 26); «...контингентное событие – внезапное вторжение необъяснимого в устоявшийся порядок вещей» (Лахманн Р. Дискурсы фантастического / Пер. с нем. М., 2009. С. 21).

⁴ См.: Лебедева А.А. Рождение категории фантастического в русской эстетической мысли // Литературный факт. 2024. № 1. С. 167–186.

⁵ Скотт В. О чудесном в романе // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 7. № 44. С. 229–245; № 45. С. 288–309; № 46. С. 355–365 (оригинал: “On the Supernatural in Fictitious Composition, and in Particularly in the Works of Ernest Theodore William Hoffmann”, 1827). Ср. более точный и полный перевод: Скотт В. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана / [Пер. А.Г. Левинтона] // Скотт В. Собр. сочинений: В 20 т. Т. 20. М.; Л., 1965. С. 602–652.

⁶ См., в частности, специальную монографию: Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь, 2002 (здесь речь идет преимущественно о времени Пушкина и Гоголя).

связь», а также выявить среди чрезвычайно многочисленных научных работ о Гоголе те, в которых так или иначе реализовывался типологический подход;

2) изучить и описать развитие фантастики и демонологии в русской литературе до Гоголя и в современной ему литературе;

3) опираясь на существующую гоголеведческую литературу, выявить наиболее важные для него в период создания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» фольклорные и литературные образцы и обратить особое внимание на спорные случаи (когда не до конца установлено, с генетической или типологической связью мы имеем дело);

5) систематически выявить наиболее показательные рассказы Пу Сунлина для типологического сопоставления с повестями Гоголя;

6) выявить и истолковать типологические параллели между сборниками Гоголя и Пу Сунлина в изображении фантастического и демонологического.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена, с одной стороны, постоянным интересом к творчеству Гоголя в России и за ее пределами, а с другой стороны – востребованностью в современной науке работ, посвященных проблемам фольклорной и литературной демонологии и фантастики, которым посвящена, например, одна специальная продолжающаяся серия научных сборников⁷.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» так или иначе касались едва ли не все писавшие о творчестве Гоголя и специально об этой книге критики и ученые, в том числе такие критики рубежа XIX–XX веков, как Д.С. Мережковский, В.В. Розанов и др. (см. ниже – раздел 2.3), а также авторы обобщающих трудов о творчестве Гоголя, в том числе В.В. Гиппиус, Н.Л. Степанов, Г.А. Гуковский, Ю.В. Манн, И.А. Виноградов, В.А. Воропаев и др.⁸ Однако специальных монографических исследований, этому посвященных, как ни странно, практически не было⁹. Типологический же подход реализовывался в основном по отношению к другим произведениям Гоголя (прежде всего «Нос», «Ревизор», «Мертвые души»). В этой связи

⁷ In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах / Отв. ред. и сост.: Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 1–12. М., 2012–2025. См. также недавно изданный свод фольклорных материалов: Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века: [В 4 т.] / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2010–2020.

⁸ Кроме уже названных книг В.В. Гиппиуса (1924) и Ю.В. Манна (1996) (см. выше сноску 2), в особенности см.: *Гиппиус В.В.* Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 46–201; *Степанов Н.Л.* Н.В. Гоголь: Творческий путь. 2-е изд. М., 1959; *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959; *Манн Ю.В.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007 (см. также: *Манн Ю.В.* Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835 годы. М., 2012); *Виноградов И.А.* Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000; *Воропаев В.А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд. М., 2014.

⁹ Можем назвать лишь одну давнюю диссертацию, посвященную интересующим нас проблемам: *Граммизина Т.А.* «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий»: к проблеме фантастического в творчестве Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1972.

можно упомянуть, например, коллективные монографии «Гоголь и мировая литература» (1988) и «Гоголь как явление мировой литературы» (2003) (обе под ред. Ю.В. Манна), книги А.А. Елистратовой, М.Я. Вайскопфа, Е.Е. Дмитриевой¹⁰, а также ряд диссертаций и статей, в которых применялся типологический подход к изучению творчества Гоголя¹¹. По отношению к ранней прозе писателя он применялся в основном в трудах, исследующих ее карнавальную природу (см. об этом ниже – раздел 1.2).

Методологической основой диссертации является комплексный исследовательский подход, который включает в себя историко-литературный, компаративистский, семиотический и культурологический методы.

Научная новизна работы заключается в опыте комплексного изучения фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», рассматриваемых как единое произведение (поэтому мы не рассматриваем специально ни повесть «Вий», ни так называемые «петербургские повести», относящиеся к позднему периоду творчества писателя), а также в опыте совмещения историко-литературного подхода с типологическим. Типологические параллели между произведениями Гоголя и Пу Сунлина в нашей работе проводятся впервые.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке методологии типологического анализа фантастической прозы гоголевского времени на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Практическая значимость исследования определяется его результатами, которые могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах по творчеству Гоголя, по истории русской литературы и ее международным связям, по русско-китайским литературным отношениям, сравнительному литературоведению и фольклористике.

Положения, выносимые на защиту:

1. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» гармонично сочетаются фольклорные и литературные традиции; для этой книги Гоголя наиболее характерны мотивы проклятого места, кладоискательства, договора с дьяволом, родового проклятия, карточной игры, наказания великого

¹⁰ Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972; Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002; Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011.

¹¹ См., например, докторскую диссертацию А.А. Слюсаря «Эпическая проза А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в типологическом сопоставлении» (Киев, 1992), кандидатские диссертации О.В. Федуловой «Гоголь и Ирвинг» (Тверь, 2005), А.Ю. Бычковой «Ринология Н.В. Гоголя: типологические аспекты» (Томск, 2014) и др. См. также статьи: Ливищ Е. К вопросу о сходстве «Чар любви» Л. Тика и «Вечера накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Русская филология. 1996. С. 106–112 (в работе обосновывается тезис о том, что оба автора следуют сюжетной схеме волшебной сказки); Мацанура В.И. «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (типологический аспект) // Художній світ Гоголя. Полтава, 2008. С. 11–19; Шульц С.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и жанр карнавализованных видений потустороннего мира (Кеведо, Филдинг) // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности. Волгоград, 2015. С. 132–138.

- грешника и другие, восходящие как к фольклорным, так и к литературным источникам.
2. Демонология в данной книге Гоголя лишь отчасти основана на фольклорных источниках, его подход к народным суевериям не столько описательный, сколько избирательный. Он не стремится к созданию обширной демонологической системы, а использует сверхъестественные образы как инструмент для раскрытия нравственно-религиозных тем, показывая разрушительные последствия греха.
 3. При сопоставлении сборников Гоголя и Пу Сунлина выявляются значимые для их художественных миров параллели: сходная типология сюжетов и персонажей (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными существами; юные девушки, олицетворяющие соблазн inferнального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и проч.).
 4. Оба автора используют опосредованное повествование через фигуру рассказчика (Рудый Панько у Гоголя, Ляо Чжай у Пу Сунлина). Их проза демонстрирует склонность к циклизации: у Гоголя повести можно разделить на категории, соответствующие народным праздникам; у Пу Сунлина представлены циклы текстов, связанные с определенным персонажем.
 5. Как для Гоголя, так и для Пу Сунлина характерно мистическое восприятие реальности, религиозное (и, в частности, религиозно-этическое) измерение в их произведениях является первостепенно важным. Пу Сунлин принимает идею «бессмертия души» из даосизма и понятия «кармы и реинкарнации» – из буддизма, разграничивает царства людей и призраков, обличает пороки общества и апеллирует к утопическим идеалам: его фантастика часто связана со стремлением героев убежать от жестокой реальности. Мистический мир Гоголя наполнен страхом перед адом, дьяволом и его обманами, а утопические элементы в нем отсутствуют. Сталкиваясь с «нечистой силой», герои Гоголя стремятся как можно быстрее вернуться в мир реальности, который противопоставлен фантастическому миру как более надежный – более опасному и враждебному для человека.
 6. В произведениях Гоголя и Пу Сунлина обнаруживаются сходные хронотопы, с которыми связаны их фантастика и демонология (*ночное время, дом, кабинет, окно, дорога, лес, кладбище, мост, заброшенное поместье, пространство сна и т. д.*). Их можно интерпретировать как особые сферы, в которых герой встречается с демоническими персонажами, а затем выходит оттуда невредимым или гибнет – в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечивается системным подходом к анализу произведений Гоголя, использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов, в том числе сравнительно-исторического и типологического,

верифицируемостью представляемых сведений, по возможности полным учетом достижений современного гоголеведения, последовательной аргументацией.

Апробация работы.

Основные результаты работы были апробированы в 7 публикациях (в том числе 6 в изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В.Ломоносова).

Основные положения исследования также были апробированы и в 5 докладах на научных конференциях: Международные научные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» и «Ломоносов-2023» (Москва, МГУ, апрель 2022, 2023 г.); XXV Международная научная конференция «Русистика и современность» (Чанша (КНР), Хунаньский педагогический университет, 14–16 октября 2022 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Текст и контекст: классика в зеркале современности» (Москва, Центр родных языков и культур народов РФ Российской академии образования, 19 октября 2022 г.); Международная научная конференция «Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья» (VI Смирновские чтения) (Москва, МГОУ, 8–25 февраля 2024 г.). Диссертация также прошла апробацию при защите НКР на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова 5 сентября 2024 года.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«ВВЕДЕНИИ»** обоснована актуальность темы, сформулированы основные цели и задачи исследования, охарактеризована специфика его предмета и материала и затронутые в нем проблемы, дан краткий обзор научной литературы о фантастике и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

ПЕРВАЯ ГЛАВА – *«Проблемы типологического изучения литературы и современное гоголеведение»*. В ней предпринимается историко-теоретический обзор понятия «типологическая связь», а особое внимание уделяется типологическим исследованиям, посвященным художественным произведениям Н.В. Гоголя.

В **разделе 1.1** – *«“Типологическая связь” в литературоведении: (история понятия)»* – прослеживается эволюция интерпретации типологических связей в литературоведении. Классический подход, сформированный в рамках позитивизма, предполагал изучение текстов, объединенных общими или сходными историческими условиями (А.Н. Веселовский, Х.М. Познетт и т. д.). Марксистская концепция расширила рамки сравнительного литературоведения, интерпретируя культуру как продукт экономических отношений (В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад и др.). Однако с середины XX века, в период кризиса идентичности компаративистики, акцент сместился с

исключительно генетических связей на установление типологических сближений (Р. Уэллек и др.). Современная компаративистика предполагает активность сознания исследователя, способного благодаря логике и эрудиции проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, принадлежащим различным культурам (Э. Ауэрбах, Д. Дэмрош и др.).

Раздел 1.2 – «*К проблеме типологического изучения художественных произведений Н.В. Гоголя*». Типологическое исследование творчества писателя рассматривает его наследие в контексте мировой литературной и фольклорной традиции, не предполагая наличия генетической связи между изучаемыми текстами¹². Изучение произведений Гоголя в типологическом аспекте началось в XX веке и продолжается в настоящее время. В современном гоголеведении данный подход уже применялся при анализе таких произведений, как «Ревизор», «Нос» и «Мертвые души». «Вечера на хуторе близ Диканьки» в типологическом освещении рассматривались преимущественно в связи с проблемой карнавализации, чему положил начало М.М. Бахтин¹³. Наиболее значимые исследования об этом принадлежат Ю.В. Манну (см. выше) и А.Х. Гольденбергу¹⁴. Первоначально научный интерес был сосредоточен на выявлении европейских литературных параллелей к произведениям Гоголя, однако в последнее время появился ряд работ, в которых они рассматриваются в связи с традициями азиатских литератур, в частности китайской¹⁵.

ВТОРАЯ ГЛАВА – «*“Вечера на хуторе близ Диканьки” Н.В. Гоголя и становление жанра фантастической повести в русской литературе*». Здесь представлен очерк развития фантастики и демонологии в русской литературе до Гоголя (в древнерусской литературе, беллетристике XVIII века, поэзии и прозе романтизма), рассмотрены история изучения «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в русской критике и литературоведении и связанные с этой книгой проблемы, обсуждаемые в современном гоголеведении (в особенности –

¹² См., например: Храпченко М. Типологическое изучение литературы и его принципы // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 55–82; Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск, 1987.

¹³ Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [1940, 1970] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): М., 2010. С. 517–522.

¹⁴ Гольденберг А.Х. 1) Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. Волгоград, 2007; 2) Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте. Волгоград, 2019.

¹⁵ См.: Жаравина Л.В. Антропологические воззрения Н.В. Гоголя в духовном пространстве древнекитайской мудрости // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности. Волгоград, 2015. С. 50–57; Посохов А. Гоголевский Акакий Акакиевич и китайские каллиграфы // Русская словесность. М., 2016. № 2. С. 17–20; Бекметов Р.Ф. Образ гоголевского Башмачкина в проекциях восточной культуры // Филология и культура. 2018. № 1. С. 174–180; Бекметов Р.Ф. Чичиков и «китайщина»: образ гоголевского героя в зеркале китайской классической традиции // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 1. С. 42–65; Лю Хунбо. Н.В. Гоголь и его творчество сквозь призму теории Инь-Ян // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2021. С. 71–78.

вопросы о фольклорных и литературных источниках вошедших в нее повестей и о типологически сходных с ними литературных явлениях); отдельное внимание уделяется художественным функциям рассказчиков в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в целом в русской фантастической прозе 1820–1830-х гг.

Раздел 2.1 – «Фантастика и демонология в древнерусской литературе и русской беллетристике XVIII века». В древнерусской литературе фантастика и демонология были неразрывно связаны с религиозными традициями (прежде всего – с вероучением Православной Церкви, но также и с народными верованиями). Однако в литературе Нового времени они начали превращаться «из предмета веры в объект литературного творчества»¹⁶. Этот процесс отразил общую тенденцию вестернизации и «обмирщения» русской литературы¹⁷. В ранней прозе Гоголя некоторые ключевые демонологические мотивы восходят к традициям древнерусской литературы: это, например, мотивы сделки с дьяволом («Повесть о Савве Грудцыне») и путешествия на чертовом коне («Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу в Иерусалим»). В русской литературе XVIII века в связи с предромантическими тенденциями проявился значительный интерес к готическому ужасному¹⁸. Параллельно развивалось «фольклорное направление», наиболее ярко представленное в творчестве М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Левшина, которые в своих беллетристических произведениях активно пользовались фольклорным материалом¹⁹. Их вклад в развитие славянской фантастической традиции и освоение «чудесного» в литературе имеет существенное значение. Эпоха классицизма в целом препятствовала развитию литературной демонологии, однако следует подчеркнуть значительную роль античной мифологии, которая способствовала пробуждению национального самосознания русских писателей. Персонифицированная демонология в мифологии древних греков и римлян вызывала особый интерес у образованной публики того времени. Ярким примером служит «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова, где по модели греко-римской мифологии описывается мифологическая система древних славян, а в главе о Владимире до крещения описываются некоторые языческие культы (в частности, Купалы).

Раздел 2.2 – «Поэзия и проза русского романтизма: баллады и фантастические повести». Формирование жанра «фантастической повести» в русской романтизме определялось множеством факторов, включая влияние как литературных, так и фольклорных традиций. Литературные источники можно разделить на иноземные и отечественные. Среди иностранных особое

¹⁶ Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь, 2002. С. 89.

¹⁷ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 159.

¹⁸ См.: Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 1–7.

¹⁹ См.: Степанов В. П. Чулков и «народное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII века). Л., 1970. С. 226–247.

значение имели произведения немецкого романтизма (повести Э.Т.А. Гофмана, Л. Тика и др.). Значительную роль сыграли также русские переводы и адаптации западноевропейских романов, новеллистических и балладных текстов, которые познакомили русских читателей с новыми эстетическими принципами и способствовали открытию самобытного жанра фантастического. В особенности велика в этом была роль балладного творчества В.А. Жуковского. Его баллады не только предоставили романтикам «необходимую духовную и эстетическую опору»²⁰, но и приучили публику к сверхъестественному и «ужасному» в литературе. Кроме того, писатели обращались к малороссийским фольклорным источникам. Среди писателей, представлявших в пору младенчества русской фантастики и демонологии и повлиявших на Гоголя, выделяется В.Т. Нарезный, стоявший еще на рационалистических позициях эпохи Просвещения, и такие писатели-романтики, как Антоний Погорельский и О.М. Сомов.

Раздел 2.3 – «Фантастика и демонология в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”»: их оценки в литературной критике и истории научного изучения». В XIX веке творчество Гоголя толковалось в рамках как романтизма, так и реализма, что обусловило двойственное восприятие и его первого сборника повестей (оппозиция «правда/вымысел»²¹). Уже при жизни Гоголя вопрос о соотношении фантастического и реального в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» поднимался в критике (в статьях Н.А. Полевого, О.М. Сомова, Н.И. Надеждина, А.Я. Стороженко (псевдоним – Андрей Царинный), П.А. Кулиша, М.А. Максимовича), при этом особое внимание уделялось проблеме достоверности изображения малороссийской народной жизни и обычаев (в частности, в повести «Сорочинская ярмарка»). В рамках символизма возникло новое прочтение произведений Гоголя, в том числе ранних произведений, акцентирующее внимание на мистических и иррациональных аспектах их содержания, в частности и на демонологии. Д.С. Мережковский в книге «Гоголь и черт» (1906) переводит национальную проблематику «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в религиозный план, считая, что в гоголевском фантастическом мире сохраняется «языческая радость жизни и крепость плоти», а «демоническое сладострастие» происходит из первозданной языческой стихии²². Особой популярностью у критиков начала XX века пользовалась повесть «Страшная месть». В.В. Розанов посвятил ей особую статью (1909), где с мифопоэтической точки зрения проводил параллели между сюжетной линией Катерины и ее отца-колдуна и библейской историей о Лоте и его дочерях²³. Андрей Белый в своей знаменитой книге

²⁰ Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. научн. трудов. Л., 1987. С. 160.

²¹ Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011. С. 10.

²² Мережковский Д.С. Гоголь и черт. М., 1906. С. 86, 89.

²³ См.: Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. Собр. сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 383–420 (впервые: Весы. 1909. № 8. С. 25–44; № 9. С. 44–67).

«Мастерство Гоголя» (1934) рассматривает эту же повесть как наиболее показательную для первой творческой фазы развития писателя (анализируя демонический образ колдуна, он выделяет используемый Гоголем прием отрицания – «прием “не”»²⁴, который впоследствии Ю.В. Манн предложил называть «приемом исключения»²⁵).

Практически все авторы, писавшие о раннем творчестве Гоголя, в той или иной степени затрагивали проблемы фантастики и демонологии. В.В. Гиппиус посвятил этому вопросу отдельную главу в названной выше монографии 1924 г. («Демонология и фарс»). Г.А. Гуковский отметил, что в первой книге Гоголя, являющейся «прологом» к его творчеству, изображается мир народной мечты и даже ужасная «демонология» в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Страшной мести» носит «мечтательный характер»²⁶. Ю.В. Манн, анализируя явную и «завуалированную» фантастику в ранней прозе писателя, отмечает: «Гоголь отодвигает образ носителя фантастики в прошлое, оставляя в последующем времени лишь его влияние»²⁷. Исследователь особо подчеркивает амбивалентность гоголевской демонологии: с одной стороны, в «Вечерах...» очевидно снижение и дедемонизация нечистой силы (образ «глупого черта»), с другой – эта комическая редукция не означает полного исчезновения страха перед потусторонним, что особенно ярко воплощено в образе ребенка. Ю.В. Манн приходит к выводу, что в ранней прозе писателя практически отсутствует «добрая фантастика»²⁸. А.Х. Гольденберг выделяет основные фольклорные празднично-обрядовые архетипы в малороссийских повестях Гоголя и отмечает, что именно во время народных праздников или свадебных и похоронных обрядов проявляется самый активный момент нечистой силы²⁹. И.А. Виноградов, считающий, что уже в раннем творчестве Гоголь выступал в ортодоксального христианского проповедника, обратил внимание на то, что даже в своей первой напечатанной повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», как и в целом «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Гоголь продемонстрировал критическое отношение к некоторым народным религиозным обычаям и суевериям³⁰. Акцент на изучение духовно-нравственной и проповеднической составляющей раннего творчества Гоголя делает в своих работах и В.А. Воропаев³¹.

²⁴ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 57.

²⁵ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 41.

²⁶ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 36.

²⁷ Манн Ю.В. Указ. соч. С. 74.

²⁸ Там же. С. 22–27, 65–76.

²⁹ См.: Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград, 2007. С. 11–16.

³⁰ См.: Виноградов И.А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 54. См. также: Виноградов И.А. Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М., 2024. С. 305–371.

³¹ См.: Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд. М., 2014.

Раздел 2.4 – «Литературные и фольклорные источники повестей в *«Вечерах на хуторе близ Диканьки»*: (современное состояние изучения вопроса)». Вопрос о источниках фантастических и демонологических сюжетов и образов в ранней прозе Гоголя давно привлекает внимание исследователей. Фольклорные и литературные традиции, лежащие в основе его первого сборника, подробно рассматривались уже в работах Н.С. Тихонравова и Г.И. Чудакова, в последние десятилетия – в работах Ю.В. Манна, М.Я. Вайскопфа, Е.Е. Дмитриевой и мн. др. При рассмотрении характерных для гоголевской фантастики мотивов (проклятого места, кладоискательства, договора с дьяволом, родового проклятия, карточной игры, великого грешника) становится очевидным, что в *«Вечерах на хуторе близ Диканьки»* осуществлено гармоничное сочетание традиций фольклора и книжной литературы, в результате чего возник уникальный стиль, отличающий Гоголя от других современных ему писателей. Сюжетные параллели не всегда свидетельствуют о прямых заимствованиях, а могут отражать типологическое сходство. Например, Г.И. Чудаков и В.В. Гиппиус отмечают влияние новеллы Л. Тика *«Пиетро Апоне»* (перевод которой был опубликован в журнале *«Московский Вестник»* в 1828 г.) на гоголевскую *«Страшную месть»*. В частности, отмечается сходство в сюжетной линии, связанной с великим грешником колдуном, особенно в эпизодах заклинаний и вызова души³². Однако, по мнению Ю.В. Манна, эти совпадения могут объясняться не прямым влиянием, а «общим духом фантастической повести того времени и характером избранного сюжета»³³.

Раздел 2.5 – «*«Вечера на хуторе близ Диканьки»* в контексте русской фантастической прозы 1820–1830-х годов: функции вымышленных повествователей». В русской прозе 1820–1830-х гг. четко прослеживается тенденция к циклизации фантастических повестей через рамочные конструкции. Среди наиболее показательных примеров можно назвать такие сборники повестей, как *«Двойник, или Мои вечера в Малороссии»* Антония Погорельского (1828), *«Повести покойного Ивана Петровича Белкина»* А.С. Пушкина (1831), *«Вечера на хуторе близ Диканьки»* Н.В. Гоголя (1831–32), *«Пестрые сказки»* В.Ф. Одоевского (1833), *«Вечер на Хопре»* М.Н. Загоскина (1834). Эти сборники типологически связаны между собой как ориентацией на изображение фантастического мира, так и композиционной и нарративной системой: во-первых, главный рассказчик (например, мелкий чиновник, помещик, сельский пасечник, ученый) выступает в качестве «авторской маски», использует предисловия, систему эпиграфов, автобиографические описания и авторские словари для построения повествовательного обрамления; во-вторых, главные рассказчики и второстепенные сменяют друг друга, пересказывая читателям или собеседникам различные истории о сверхъестественных явлениях. На примере

³² См.: Чудаков Г.И. Отношение творчества Гоголя к западно-европейским литературам. Киев, 1908. С. 85.; Гиппиус В.В. Гоголь. Л., 1924. С. 32.

³³ Манны Ю.В. Указ. соч. С. 49.

гоголевского цикла особенно хорошо видно, что как издатель, так и персонажи-рассказчики выступают в качестве связующих звеньев между реальностью и вымыслом, автором и реципиентом. Их роль заключается в создании атмосферы таинственности происходящего. При этом именно на персонажа-рассказчика возлагается функция подтверждения достоверности сверхъестественных событий.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА – *«Типологические аспекты фантастики и демонологии в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”»: Н.В. Гоголь и Пу Сунлин*. В данной главе предлагается опыт типологического анализа фантастики и демонологии в книге Гоголя в сопоставлении со сборником новелл Пу Сунлина, а также устанавливаются различия, обусловленные как индивидуальной творческой манерой авторов, так и особенностями их национальных культурных контекстов.

В параграфе 3.1 – *«Пу Сунлин и его “энциклопедия сверхъестественного”: “Рассказы Ляо Чжая о необычайном”»* – представлены основные сведения о биографии Пу Сунлина, о составе и художественных особенностях его сборника «Рассказы Ляо Чжая о необычайном», дан обзор его переводов и исследований на русском языке.

Пу Сунлин (1640–1715) – выдающийся китайский новеллист и любитель фольклора, живший на рубеже династий Мин и Цин. Получив классическое конфуцианское образование, он не преуспел на государственных экзаменах. Известность он получил благодаря сборнику «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (кит. «聊斋志异» – «Ляо Чжай чжи и»), считающемуся одной из вершин китайской литературы. В состав сборника входят 498 новелл, разделенных на четыре тематические части: «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Странные истории» и «Рассказы о людях необычайных». Пу Сунлин работал в жанре *сяошо* – лаконичной новеллы с динамичным фантастическим сюжетом, создавая свои новеллы на языке *вэньяне* (классическом литературном языке). Господин «Ляо Чжай» (в переводе академика В.М. Алексеева «Хозяин кабинета неудачника»³⁴) является псевдонимом и повествовательной маской, под которой скрывается сам писатель.

Сборник Пу Сунлина остается популярным в Китае и за его пределами, в том числе в России, где он неоднократно издавался в переводах В.М. Алексеева (первые издания относятся к 1920-м гг., наиболее полные – 1988, 2000, 2018 гг.). В настоящее время ведется подготовка первого полного русского издания в 7 томах (12 цзюанях; кит. 卷 – «часть», «том») под руководством А.Г. Сторожука (СПбГУ), на данный момент опубликованы три

³⁴ О значении и вариантах перевода псевдонима Пу Сунлина – «Ляо Чжай» – см.: Сторожук А.Г. Литературное наследие Пу Сун-лина и его переводы на русский язык // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1. СПб., 2022. С. 13–14.

тома³⁵. В русскоязычной литературе, посвященной биографии и творчеству Пу Сунлина, следует отметить монографию П.М. Устина³⁶.

Раздел 3.2 – «*Вымышленные повествователи и фольклорные истоки фантастического*». В сборнике новелл Пу Сунлина повествование ведется от лица вымышленного «господина Ляо Чжая», который является собирателем необычных историй. Кроме того, вводится и второе авторское «я» – «异史氏» («И Ши Ши» – «историк или очевидец странностей»), появляющееся в финале большинства новелл. Чтобы лучше выразить собственные взгляды, «отойти» с переднего плана рассказа на задний, а также в полной мере выполнить свои дидактические задачи, писатель вводит послесловия от лица «И Ши Ши», которые сближают два мира и придает рассказам подлинность. У Гоголя повествование ведется от лица вымышленного издателя и собирателя историй – пасечника Рудого Панька – и выдержано в сказовой манере, имитирующей живой диалог с воображаемыми читателями. Помимо него в повествовании участвует группа рассказчиков (дьячок Фома Григорьевич, дед Фомы Григорьевича), чью честность и порядочность повествователь неоднократно подчеркивает. Вымышленные повествователи у обоих писателей удостоверяют правдивость рассказываемых историй. Кроме того, в их книгах наблюдается стремление к циклизации: у Пу Сунлина в основном представлены циклы текстов, связанных с определенным персонажем и его воздействием на обыденную жизнь людей; у Гоголя повести можно разделить на категории, соответствующие народным праздникам, а также повести, рассказывающие о вторжении нечистой силы в человеческую жизнь.

Как Гоголь, так и Пу Сунлин обращались к фольклорной демонологии, следуя общим тенденциям тех литературных эпох, к которым они принадлежали. В 1820–1830-х годах в русской литературе отмечается возрастающий интерес к устному народному творчеству, а в частности, как отметил сам Гоголь в письме к матери от 30 апреля 1829 г., ко «всеми малороссийскому»³⁷. Это нашло отражение и в произведениях других авторов (Антония Погорельского, О.М. Сомова и др.). В их прозе также сочетаются миры реального и сверхъестественного. В процессе создания своих первых повестей Гоголь обращался к матери с просьбой предоставить сведения о «колядках, Иване Купале, русалках, домовых, многочисленных народных поверьях, страшных сказаниях, преданиях и анекдотах»³⁸. По словам В.Е. Ветловской, «Гоголь всегда стремился к наиболее полному знанию фольклорного материала. Он сам был собирателем, записывал и изучал

³⁵ Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1–3 / Сост. А.Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, переводы В.М. Алексеева и А.Г. Сторожука. СПб., 2022–2025. (Т. 1. 2022. 568 с.; Т. 2. 2023. 628 с.; Т. 3. 2025. 604 с.)

³⁶ Устин П.М. Пу Сунлин и его новеллы. М., 1981.

³⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М., 2009–2010. С. 101.

³⁸ Там же. С. 100.

этнографические данные и произведения малороссийской народной поэзии»³⁹. Китайская фантастическая проза опиралась на фольклорные традиции еще с эпохи Шести династий (III век н.э.). Позднее, в периоды Мин и Цин, такие писатели, как Фэн Мэнлун (冯梦龙), У Чэньэн (吴承恩) и особенно Пу Сунлин, черпали вдохновение в народном творчестве, тщательно собирая и перерабатывая устные народные предания. В предисловии к «Рассказам Ляо Чжая...» писатель отмечал: «Я рад всегда, коль люди говорят о бесах... Однако, слыша подобные рассказы, я беру в руки кисть, повелеваю ей писать: получается целая книга. Проходит еще некоторое время, и люди одних со мною вкусов со всех сторон присылают мне с почтовой оказией свои записи. Вещи любят собираться – и у меня стало накапливаться таких записей все больше и больше»⁴⁰.

Раздел 3.3 – «Религия и художественный мир». Фантастические миры, созданные Гоголем и Пу Сунлином, сформировались под непосредственным влиянием религиозного мировоззрения авторов и их особого отношения к народным верованиям. Китайский писатель заимствует концепцию «бессмертия души» из даосизма, а из буддизма – «круговую» модель мышления, основанную на концепциях кармы и реинкарнации. Он изображает бессмертные души своих героев, которые через циклы перерождений разрешают противоречия и достигают состояния, близкого к идеальному. Хотя Пу Сунлин иногда сатирически изображает монахов и даже сами божества, которым они служат, в целом он преследует цели религиозно-дидактические. Для Гоголя важнейшим контекстом служит православная традиция, в том числе в его раннем творчестве. Вечное противостояние добра и зла играет ключевую роль в художественной ткани «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Как отмечает В.А. Воропаев, «ранние произведения Гоголя, несмотря на их фольклорную и юмористическую основу, представляют собой своеобразные религиозные поучения, где добро неизменно побеждает зло, а грешники получают заслуженное наказание»⁴¹. Эту точку зрения поддерживает И.А. Виноградов, подчеркивая, что «понимание ранней гоголевской прозы невозможно без учета последующего духовного и творческого пути писателя»⁴². Гоголь демонстрирует «линейный» способ мышления, характерный для христианского мировоззрения, что контрастирует с «круговой» моделью Пу Сунлина, характерной для восточных религиозных традиций. Гоголь в соответствии с библейской традицией представляет историю вселенную как линейный процесс – от сотворения мира до Страшного суда, где каждая душа предстает перед судом. Практически каждая повесть в «Вечерах...» затрагивает тему борьбы света и тьмы, невидимой

³⁹ Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // Русская литература. 2001. № 2. С. 3–25.

⁴⁰ Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / В пер. с кит. В.М. Алексеева. Состав с науч. подготовкой М.В. Баньковской. М., 1988. С. 15.

⁴¹ Воропаев В.А. Указ. соч. С. 28–29.

⁴² Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 11.

войны между Богом и дьяволом за человеческие души. Судьба его героев отражает вечное противостояние добра и зла, ведущее к Страшному суду, к спасению или гибели души.

Раздел 3.4 – *«Демонические персонажи и их взаимодействие с человеком: договоры, искушения и любовные связи»*. Демонология в системе персонажей книг Гоголя и Пу Сунлина отражает соответствующие религиозные и фольклорные традиции. В случае Пу Сунлина ориентация на фольклорные источники прослеживается наиболее явно, он стремится использовать их с возможной полнотой, создавая своего рода «энциклопедию сверхъестественного». В своих 498 рассказах писатель представляет множество народных демонических образов, включая лисиц-оборотней, пчел-оборотней, русалок, а также духов разных цветов. В частности, в «Лисьих чарах», являющихся отдельной частью в сборнике Пу Сунлина, представлены различные типы этих существ – от зловредных до шаловливых, от пожилых до молодых, от уродливых до прекрасных, благодаря чему создается впечатление о многогранности народной фантазии.

Гоголь, будучи православным писателем, избирательно использует народные суеверия, предпочитая те сверхъестественные образы, которые несут церковно-нравственное измерение. В его произведениях нечистая сила может принимать человеческий облик и выступает в роли искушителя, склоняющего человека к греху, как в «Вечере накануне Ивана Купала», где есть характерная фраза: «от черта не будет добра». Петро, герой повести, поддавшись влиянию дьявольских сил (Басаврюка и ведьмы), совершает убийство невинного дитяти, что влечет за собой его собственную смерть и безумие Пидорки. Катерина в «Страшной мести» была обманута ложным раскаянием отца-колдуна и освободила его, что впоследствии привело к гибели ее семьи. В «Ночи перед Рождеством» Черт выступает в роли искушителя, которому «осталась последняя ночь шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей». В «Сорочинской ярмарке» действует то ли простой цыган, то ли дьявол, искусно маскирующийся под человека и тщательно скрывающий свою истинную природу. Таким образом, по сравнению с Пу Сунлином, Гоголь не стремится к созданию обширной демонологической системы, а использует сверхъестественные образы как инструмент для раскрытия нравственно-религиозных тем, подчеркивая разрушительные последствия греха и обмана.

В связи с этим наблюдаются различия в изображении взаимодействия демонических персонажей с человеком у анализируемых писателей. Мотив договора с нечистой силой выступает ключевым сюжетобразующим элементом в ранней прозе Гоголя. В «Сорочинской ярмарке» Грицко, стремясь жениться на Параське, вступает в соглашение с цыганом, чей образ насыщен дьявольскими атрибутами (о чем писали, в частности, Ю.В. Манн и М.Я. Вайскопф⁴³). В «Вечере накануне Ивана Купала» Петрусь, движимый

⁴³ Манн Ю.В. Указ. соч. С. 69; Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 132.

алчностью, заключает сделку с нечистой силой, что приводит к временному изобилию и успеху в любви, но завершается неизбежным возмездием. Иной характер носит взаимодействие с потусторонними силами в «Майской ночи»: Левко вступает в соглашение с русалкой-утопленницей, лишенной злого смысла, и получает помощь после выполнения своего обещания. Аналогичный случай представлен в «Ночи перед Рождеством», где Вакула принуждает черта исполнить свое желание (поездка в Петербург за царскими черевичками). В «Пропавшей грамоте» ведьма предложила деда Фомы Григорьевича сыграть три партии в карты, прежде чем вернуть ему шапку и грамоту. Напротив, сверхъестественные существа в творчестве китайского писателя не проявляют очевидных форм договорных отношений с человеком. Они, как правило, устанавливают близкие связи со смертными людьми и склонны влиять на их действия напрямую, вместо заключения с ними сделки. У Пу Сунлина мужские персонажи (включая образ автора-повествователя) преимущественно представлены как бедные, одинокие ученые, нуждающиеся в поддержке. А очаровательные героини со сверхъестественными способностями, сохраняют человеческие черты и качества и обладают истинной красотой, устойчивостью в чувствах и самодостаточностью. В отличие от гоголевской дихотомической системы, существа из потустороннего мира у Пу Сунлина по большей части не искусители, не враги человечества, а иногда помощники и утешители (многие новеллы его посвящены любовным отношениям между молодым студентом и привлекательной лисицей-оборотнем, также в них нередко рассказывается о том, как чудесные женские существа помогают студентам в учебе). В гоголевском сборнике отсутствует такой образ, как дьявол, влюбленный в человека: он может выступать только в качестве свидетеля истории человеческой любви, а не как одна из сторон в любовных отношениях. Демонические силы у Гоголя могут по-разному влиять на судьбу влюбленных героев: одни – препятствуют их соединению, как в «Страшной мести», другие – помогают устроить брак, как в «Майской ночи» (и отчасти «Сорочинской ярмарке»), но и в этом случае будущее такого брака остается проблематичным, поскольку, как помнят читатели сборника, в «Вечере накануне Ивана Купала» устройство брака с помощью нечистой силы в конечном счете ни к чему хорошему не привело.

В разделе 3.5 – «Онейрический мотив: сон как путешествие» – анализируются художественные функции мотива сна и предлагается типология сновидений у Гоголя и Пу Сунлина. Сон представляет собой не только особое физиологическое и психологическое состояние, но и путешествие персонажей в иной мир. Сновидение как выражение фантастического мира, возникающего в пограничном хронотопе, на границе реального и ирреального, фантастического. Так, в «Пропавшей грамоте» дед Фомы Григорьевича проникает бесовское пекло во сне и возвращается в реальность также с помощью сна. Его границы в то же время являются границами пространства нечистой силы. По форме гоголевские сны делятся на несколько типов: пророческий сон («Майская ночь»), сон-тревога («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), сон во сне («Страшная месть»). У Пу

Сунлина, помимо таких типов сновидений, присутствуют еще и сны среди бела дня («Расписная стена» [«画壁»]). Не менее существенную роль в гоголевской повести играет сон без сновидений или сон-забытие («Вечер накануне Ивана Купала»), который трудно представить у Пу Сунлина. Если у Гоголя мотивы сна получают романтическую трактовку, то у Пу Сунлина гипнологическая ситуация чаще служит сатирическим целям, обличая пустое мечтательство («Что видел пьяный Ван Цзы-ань» [«王子安»]). Кроме того, Гоголь неоднократно предупреждает об опасности, исходящей от нечистой силы, а в ляочжаевских рассказах во снах не ощущается никакой опасности (например, разлука главного героя с девушкой из иного мира в рассказе «Лисий сон» [«狐梦»]) больше напоминает историю о нарушении запретов).

В разделе 3.6 – «Хронотопы границы: пространственно-временные пороги иного мира» – мы выявляем смысловую общность пограничного хронотопа в ранней прозе Гоголя и новеллах Пу Сунлина (в теоретическом плане опираясь, в частности, на концептуально значимые работы М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана⁴⁴). Типологический анализ делится на две части: пограничное бытовое время (*ночь и сакральные праздники*) и локусы (*дом, кабинет, окно, дорога, лес, мост, пространство сна и др.*). У обоих писателей вечер и праздничные дни становятся временем вторжения сверхъестественных сил. В «Рассказах Ляо Чжая...» демонические существа активизируются именно ночью или в праздники, когда энергия «инь» достигает своего пика⁴⁵. У Гоголя в «Заколдованном месте» дед Фомы Григорьевич попадает в сатанинское пекло, как только «стало смеркаться в поле» а в «Вечере накануне Ивана Купала» Петро сталкивается с нечистой силой в полночь перед праздником.

Пространственные соответствия этих промежуточно-временных границ также обретают мистический подтекст. Например, кабинет у китайского новеллиста, отличающийся закрытостью, представляет собой тихое и уединенное помещение, где тайно происходят встречи между студентом и инфернальной силой, а в гоголевской прозе при вмешательстве колдовских чар дом оказывается незащищенным. Окно символизирует границу между мирами: его прозрачность одновременно обозначает преграду и ее отсутствие, служа средством коммуникации и подглядывания в фантастическом мире обоих авторов. Кроме того, эти пограничные хронотопы еще можно интерпретировать как зону испытания, где герой встречается с демоническими персонажами в кульминационный момент и выходит оттуда невредимым или гибнет – в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

⁴⁴ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407; Лотман Ю.М. Понятие границы // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175–193

⁴⁵ Согласно даосской концепции, энергия «инь» – это пассивная, холодная и темная сила, противопоставленная энергии «ян» (см., например: 詹石窗. 道教文化十五讲. 北京, 2012. 47 页. [Чжань Шичуан. Пятнадцать лекций о даосской культуре. Пекин, 2019. С. 47]).

Раздел 3.7 – «Праздники и народные гулянья». Действие ряда повестей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» разворачивается на фоне или в преддверии праздника, в особом праздничном локусе, в карнавальной атмосфере (о чем писали Ю.В. Манн, А.Х. Гольденберг и др.). В сборнике Пу Сунлина праздники описываются или упоминаются более чем в 40 рассказах. Как у Гоголя, так и у Пу Сунлина праздники нередко выполняют сюжетообразующие функции – оказываются поворотными моментами в судьбах героев. С праздниками связано и наличие карнавального начала в произведениях двух писателей, проявляющееся, в частности, в склонности молодых героев нарушать правила почтительного отношения к старшим. У Гоголя такое поведение, свойственное, например, героям «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи», в конечном счете ведет к благополучной развязке и явно не осуждается. Пу Сунлин же в некоторых новеллах (например, «Беседы зрачков» («瞳人语») и «Красная яшма» («红玉»)) специально размышляет о драмах, происходящих из-за праздничного пренебрежения социальными и моральными нормами. В сравнении с ним отношение Гоголя к традиционному укладу жизни и принятым в обществе ритуалам выглядит, как минимум, неоднозначным.

В разделе 3.8 – «Мечта и действительность» – рассматриваются особенности подхода русского и китайского писателей к изображению противопоставленного действительности фантастического мира, который в принципе может изображаться как в негативном, так и в позитивном ключе (как прекрасная мечта). Здесь отмечается одно из наиболее существенных различий между двумя писателями. Если в произведениях Пу Сунлина фантастические образы и происшествия часто связаны с утопическими мечтаниями автора и его героев, с их стремлением к волшебному миру и желанием убежать от жесткой реальности, то художественный мир повестей Гоголя, напротив, наполнен страхом перед адом и дьяволом, атмосферой тайны и ужаса: даже самые отважные из его героев-казаков не могут устоять перед угрозами изображенного им потустороннего мира, а утопические элементы в нем как раз отсутствуют. Герои Гоголя, столкнувшиеся или сражающиеся с ведьмами и злыми духами, стремятся как можно быстрее вернуться в мир реальности, который видится им более надежным и истинным. Действительности фантастический мир в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» противопоставлен как более опасный для человека и преимущественно враждебный для него.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подведены основные итоги исследования, представлены его результаты, главные из которых заключаются в выявлении параллелей в изображении потустороннего мира и его обитателей у Гоголя и Пу Сунлина, благодаря чему уточняются имеющиеся представления о национальном и индивидуально-творческом своеобразии гоголевской фантастики и демонологии.

**I. Статьи в рецензируемых научных изданиях,
определенных Положением о присуждении ученых степеней
в Московском Государственном университете имени М.В.Ломоносова**

1) *Сунь Вэньцзюнь*. Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 20–28. Импакт-фактор 0,317 (РИНЦ). Объем 0, 643 п.л. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28. EDN: JIXQWA.

2) *Сунь Вэньцзюнь*. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7(888). С. 153–158. Импакт-фактор 0,031 (РИНЦ). Объем 0,487 п.л. EDN: QUNGLA.

3) *Сунь Вэньцзюнь*. Реальные и ирреальные персонажи в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина (сопоставительный аспект описания) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 3. С. 83–87. Импакт-фактор 0,190 (РИНЦ). Объем 0,601 п.л. DOI: 10.53531/25420747_2024_3_83. EDN: OZGQER.

4) *Сунь Вэньцзюнь*. Мотив праздника и народная демонология в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 434–437. Импакт-фактор 0,364 (РИНЦ). Объем 0,502 п.л. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-434-437. EDN: QHQJDF.

5) *Сунь Вэньцзюнь*. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // Litera. 2025. № 2. С. 167–175. Импакт-фактор 0,203 (РИНЦ). Объем 0,478 п.л. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73479. EDN: JRHHZQ.

6) *Сунь Вэньцзюнь*. Функции вымышленных повествователей в русской фантастической прозе 1820–1830-х годов и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Казанская наука. 2025. № 5. С. 208–212. Импакт-фактор 0,101 (РИНЦ). Объем 0,425 п.л. EDN: HWLZGQ.

II. Статьи в других рецензируемых научных изданиях

7) *Сунь Вэньцзюнь*. Сравнительное изучение ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2(12). С. 73–88. Объем 0,876 п.л. DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88. EDN: YBOYVD.